

**Уйди в обратное ничто,
мой одинокий брат по крыльям,
по тем устам, что нас открыли,
по жизни меченой крестом,
уйди в обратное ничто...
Е. Сабуров**

I.

Если происходит так, что из птицы вычитается птица, то после этого действия, уменьшающего и без того предельную зыбкость реальности, как память о ней — остаётся её голос. То, что, казалось бы, до не узнавания смешано с какофонией текущей действительности — грузной, кричащей, надломленной и довольно часто безжалостной к своим обывателям, но стоит только услышать птичье пение, как окружающий мир тут же преобразуется — становится объёмным, наполненным, более красочным, упорядоченным и живым. И даже не само явление птицы, как подтверждение божественного снисхождения и данности или же доказательство перемежающегося с людским ареала обитания, а явление её мелодичности необъяснимым и, насколько это будет уместно сказать, магическим образом сказывается на восприятии: и времени, и пространства, и той тонкой повседневной поэзии, что глубоко и умело, приращена к птичьему голосу. Мы можем напрямую и не наблюдать присутствие данного образа где-то рядом с собой, но стоит нам услышать птичье пение или разноголосый щебет, как тут же вокруг нас образуется некоторая стилистическая структура, отдаленно напоминающая поэтическую речь. Что это? — версификация действительности или прежнего опыта, просеянного сквозь сетчатку птичьего ока, репродукция более тонких энергий и смыслов или же ещё одно доказательство того, что поэзия растворена во всём том живом и не живом, что нас окружает, как противовес, апологет жизни перед беспробудностью, темнотой и беззвучием «обратного ничто».

II.

Если происходит так, что из поэта вычитается поэт, то в знак наказания нас, за то, что мы в какой-то период своей жизни утратили свою собственную волю к поэтическому — остается его голос. Анатолий Маковский в моём представлении о нём, является именно этим голосом. Голосом самобытным, голосом стремящимся, голосом угловатым, внесистемным, пересечённым и благодаря этому — голосом, открывающим не суть общего, плавного, меан-

дрового течения времени в его мировом или эталонном восприятии и понимании, но ту суть, которая ежедневно обтекает нас — каждого по-своему. Где ты — неотрывен от происходящего с тобой, будь то дорога от дома до библиотеки или посещение гастронома. Казалось бы, обычные и рутинные моменты — песчинки в ладонях судьбы, но в каждом из этих мгновений, в каждом натяжении между внутренней природой человека и природой вещественной, внешней, кроется птичий голос. У Маковского был выразительный и тяжелый дар — умение конвертировать происходящую вокруг него реальность в поэтические нарративы особого свойства, где невооруженным взглядом видна та сила и образность речевого и стихотворного языка, порою непонятная и малодоступная многим, которой он обладал. Это можно представить в виде потока бытия, захлестнувшего его целиком и полностью, и именно этот поток, состоящий из множества осмысленных, прочувствованных, прожитых фрагментов и смальт, он превращал в некоторое подобие персональной речевой и поэтической культуры. Собственно, эта культура пения, культура голоса, возведённая им в определённый личный абсолют, становится, на мой взгляд, своеобразной осью его поэтики, вокруг которой собирается настолько индивидуально структурированное и плотное пространство, что, порой, не сразу понятно, какой из двух миров — поэтический или социальный — для него первостепенен и более близок. Безусловно, эти два мира взаимопроницаемы и сопряжены в единое целое рядами синхронных точек, особенных интонационных маяков и рецепторов, при помощи которых происходит улавливание тонких поэтических эманаций и дальнейшее преобразование их в стихотворный контекст. И именно голос служит своеобразным проводником, связующим звеном, обусловленным Дантовским Вергилием, открывающим нам вход в это поэтическое мироздание, столь трепетно и бережно сооружённое Маковским. И если птица при помощи крыльев раскрывает для себя семантику неба, являющегося эйдосом, первопричиной её бытия, то при помощи голоса, пения, речи Анатолий Владимирович открывает для нас сферы своих поэтических исканий, констатаций и опытов. Голос, в моём понимании, для Маковского имеет выраженное свойство птичьих, возможно ангельских, крыльев и является некоторым трансцендентальным механизмом, приоткрывающим причины бытия.

III.

Если происходит так, что из уст вычитается слово, то в итоге, исходя из дошедшего до нас первоначального варианта этого сакрального и глубоко-волнительного действия, остаётся Бог и то, что несёт в себе высказанный им посыл. Был ли Бог поэтом в том мгновении, когда произносил то самое «слово» и остаётся ли им до сегодняшнего дня, вопрос, скорее всего, настолько индивидуальный и личный, что каждый в праве сам выбрать ответ на него. Но то, что было произнесено им вначале, до сих пор является определённым сакральным образом — символическим ключом, открывающим в нас умение чувствовать, переживать и развивать при помощи различных речевых возможностей и инструментов особое тонкое мироощущение как предметного мира — мира природы, социальных явлений и бытовых элементов, так и мира собственных образов, мыслей и чувств. И именно слово выступает одним из носителей той меры человечности, заключённой в каждом нас, которой мы, несмотря ни на что, обладаем. Вот уже на протяжении весомого отрезка времени эта опосредованная связь с первоисточником — разряженным эхом, тонкой венозной жилкой пульсирует в каждом человеческом слове, но особенно сильно её пульсация чувствуется в словах, являющихся, по природе своего первоначального замысла, поэзией.

Евгений: ...Вот послушай, для чего ты творишь, неужели только ради того, чтобы тебя потом признали гением или для чего?

Анатолий: Я творю для Бога, для хороших людей.

Евгений: Вот так, это — другое дело.

Анатолий: Для хороших людей. Богу не нужно, он сам всё знает... — для хороших людей.

Евгений: Смотри, твоя деятельность уже имеет тот смысл, что я после встречи с вами полюбил музыку слова.

[Из книги Е. Иорданского «Мой друг Анатолий Маковский»]

Насколько осмысленной была эта деятельность для самого Маковского, было бы интересно узнать развернуто и более детально от самого автора — из его писем, дневниковых записей и диалогов, для того чтобы иметь представление о причинно-следственных порядках и связях, возникающих и ведущих к его поэтике. Но даже без погружения в эти закономерности, а просто опираясь на его тексты, можно отчётливо видеть, что в сознании автора присутствует некоторая третья сила в образе глубокой духовности, о наличии которой он не просто догадывается, но и свято верит в её присутствие, как в своей жизни, так и своих стихах — так же как и птица, не догадываясь о наличии неба, не просто безусловно доверяется ему, но и живёт им.

Иногда, при прочтении его текстов, или при прослушивании того, как он сам читает свои стихи, и стихи своих друзей — Евгения Сабурова, Александра Денисенко, Ивана Овчинникова, Михаила Степаненко — складывается чёткое впечатление того, что Маковский в некоторой степени парит над ними. И это не просто взгляд свысока или же определенное внутреннее возвышение себя над другими, это наличие у автора достаточно четкой оптики, позволяющей до мельчайших подробностей разглядеть ткань произведения, находя в нём текстуры различной высоты и содержательности, чтобы впоследствии при помощи своего голоса сделать читаемый текст более ярким, живым, богатым. Именно это внутреннее зрение, внутренняя оптика Маковского и делает его не отдалённым и дистанцированным от произведения, как может сперва показаться, а наоборот максимально близко приближает его к стихам, практически вживляя его в поэтические конструкты. И здесь опять можно проследить прямую аналогию с птицей, которая летая на различных высотах, одинаково чётко воспринимает и ландшафт, и ту фрагментированную жизнь, что протекает внизу, собирая из этого единую целостность.

IV.

Если происходит так, что из креста вычитается крест, то впоследствии остаётся лишь тот путь, который был им проделан. Крест, отмеченный путём, достался Анатолию Маковскому от его предков из знаменитого рода художников-передвижников Маковских. Это своеобразное наследство на протяжении всей жизни будет неразрывно связано с его судьбой, предопределяя и наполняя её чем-то похожим на фрагменты, мотивы и сюжеты картин его прадедов. Начиная с младенческих лет, его жизнь складывалась таким образом, что поездки, поездки, скитания достаточно часто давали о себе знать, формируя устойчивое восприятие мира как будто извне. Это особое чувство, когда у тебя просто не хватает времени выработать в себе сопричастность к определенной локации, делает тебя наблюдателем, соглядатаем, в хорошем понимании этого слова, окружающей действительности. Ты отчетливо и, зачастую непроизвольно, запоминаешь детали, фрагменты, интонации, поступки, чтобы в дальнейшем всё это нашло своё место где-то внутри тебя, в той сердцевине, откуда прорастает не только собственный взгляд на мир и собственный голос, но и, как таковое, творчество. Внутреннее чувство дистанции впоследствии лишь усиливает и подпитывает тот

щемящий магнетизм по отношению ко всему живому и однажды прожитому, что ты уже не в силах представить себе дальнейшей жизни без этой, часто меняющейся, городской и природной пасторальности. И, возможно, где-то в глубине души ты хотел бы остановиться, но утопичность покоя, воображаемая тобой, в каком-то смысле равноценна смерти — как только птица задушивается о создании своего гнезда, в ней тут же возникает чувство глубокой жертвенности — либо земля, либо небо.

Что это? — постоянное убегание от самого себя, невозможность обустроить свой внешний быт где-то в одном месте — не думаю. Маковский был достаточно сильной и целостной личностью, чтобы поддаваться на эти уловки и идти на поводу у вышеупомянутого. Возможно, в этих частых переездах с места на место, в этих курсированиях из пункта «А» в пункт «Б» он скрупулезно и бережно собирал и выстраивал своё поэтическое пространство, формировал особое непредвзятое, тонкое поле мироощущения, наполняя его звучанием, голосом, смыслами. Вероятнее всего, в эти моменты — мгновения, исчисляемые дорогами, он был наиболее близок к тому образу жизни, к тому пути, который выбрали для себя его предки. Стоит только вспомнить тот факт, что все свои рукописи и стихи он возил с собой в простой холщёвой клетчатой сумке-тележке, которую очень любил и оберегал, трепетно и нежно называя в стихах — «другом». И когда случилось так, что её у него украли, он, совершенно осознано, в своих строчках обращается к ней, как к живому, одушевленному существу называя её — «верным металлическим другом» с которым им суждено будет встретиться в раю.

Тележка, как уменьшенный символ телеги — постоянного атрибута русской дороги, неразрывно связанной с ней, как один из символов русского передвижничества — персонафицированная колыбель, дом на колёсах, образ, вмещающий в себя смысл существования и целый культурно-исторический пласт, вряд ли может быть простым совпадением. И именно дорога, в своём первоначальном значении, выступала связующей родовой ниточкой, посредником, ментальной пуповиной между ним и тем богатым фамильным наследием, растворённым в текучести бытия, что оставили его прадеды. И это фокусирование и сосредоточение на постоянно меняющейся реальности, процеживание её через себя — свои чувства, ощущения, переживания, мысли, сформировало в нём настолько тонкую оптическую систему, подобную Левенгуковскому механизму, что любое событие, человек или предмет, попадающий в его поле зрения, и хоть каким-то образом затрагивающий его внутренний мир и систему ценностей, тут же находил себя в стихотворном воспроизведении. Передвижник от поэзии — Маковский был уже настолько неотделим от условностей подобного существования, как птица неотделима от полёта, что любое ожидание дороги, близкой ли или далёкой, расценивалось им как очередной опыт, очередное приключение, ведущее к более глубокому осознанию своего поэтического мироздания.

V.

Если происходит так, что из жизни вычитается жизнь, то впоследствии остаётся острое чувство неполноценности по отношению к утраченному, которое до конца невозможно восполнить ни оставшимся опытом, ни оставшимся наследием. В каком-то смысле последняя строчка строфы, из стихотворения Евгения Сабурова, близкого друга и постоянного оппонента Анатолия Маковского, взятой мной в качестве эпиграфа «уйди в обратное ничто» несёт в себе пророческий оттенок. Анатолий Маковский при невыясненных обстоятельствах пропал без вести в Киеве в августе-сентябре 1995 года, до сих пор его судьба остаётся неизвестной. Безвозвратно уходя в густую пустоту и безвременье — «обратного ничто», он оставил для нас свой поэтический мир — то тонкое, трепетное, музыкальное мироздание, которое с любовью и нежностью выстраивал и воплощал на протяжении всей своей жизни. Эта конструкция, собранная из фрагментов его жизнетворчества, не восполнит для нас эту утрату, не станет ана-

логом или заменой — она и не должна претендовать на всё это. Это то, с чем каждый из нас в силах соприкоснуться, не боясь остаться вне времени и пространства, но боясь оставить не услышанным тот голос, которой так чётко и выразительно поёт нам о небе, с которым ему посчастливилось соприкоснуться ещё при жизни. Безусловно, это всего лишь малые крупички, в которых, как в остановленных песочных часах, слышится отдалённое эхо, напоитанное просодией, напевностью, свободой и едва уловимой имманентной силой времени и пространства, в котором довелось жить автору. Но именно им выпала роль стать речевыми медиаторами и передать нам тот объём и то многообразие поэтического голоса, что оставил после себя Анатолий Маковский.

*

**Жизнь моя в каком-то сизом свете —
голуби летят на синий вечер.
Девушки кому-то обещают,
остальным лишь бедрами качают.**

**Колокол звонит на неудачу —
я уже решил свою задачу,
только в мире всё неразрешимо —
Бог не электронная машина.**

**Пусть желты Евангелья страницы —
свиньям всё корыто будет сниться.
Были б деньги, я б уехал в Ниццу,
пролорнировал бы за границу.**

**Там меня никто не понимает —
пусть уж лучше здесь не принимают.
Чем я виноват, что идиоты
чужды аромата идиомы.**

ТАШКЕНТ

**Мне изменяли в Самарканде,
а я беспечно жил в Москве,
но я не знаю, кто был Ганди,
и выхожу гулять на сквер.**

**Есть зной в тюрбанах минарета,
но сдал Восток свой стиль в архив,
и меж верблюдами — Джульетта,
а скорпион — король кювета —
хохочет, кольца опустив.**

**А за окном, может быть, троллейбус
идёт по единственной в городе улице.
Пойдём, покурим за фикус с Лениным —
Герберт Уэллс считал его умным.**

**Герберт Уэллс — и во мгле Россия,
флейта снега — я в снегах затерян,
что ж ты качаешься по Амундсену,
синий пингвин, у обкома-терема?**

*

**Опять сжимает сердце,
как саркофаг,
опять раскрыты дверцы —
и скоро бог.**

**Так взять бы и засыпать,
как фараон,
но мнёт тысячелетье
твой караул.**

*

**Все изменницы зовутся Нинами,
только что мне до девушек —
мне б отсюда уехать мирно —
поезд в десять часов и в шесть.**

**Поглядишь из окна — очень снежно,
обернёшься — сумрак купе.
Человечество забыло нежность —
то ли пива пойти купить?**

**И осталось ещё с проводницей,
нашей угольной стюардессой,
завести роман в полстраницы,
пока поезд кружит по лесу.**

КУКЛА

**Кукла — мне кукла нужна,
кукла — шикарно одета,
кукла стоит у окна —
рыжеволосая девка.**

**Взял я — витрину разбил —
камень был злой, как ракета,
вот уже стёкла в крови —
в красных чернилах поэтов.**

**Помню — качнулась толпа,
помню — шарахнулись люди,
кукла — простите собаку! —
я — шизофреник, Вы — Люся...**

**Взяли расписку тогда,
кажется — отпустили,
кукла теперь уж — с Таганки,
где же теперь та? — простила ль?**

*

**Замело метельные дороги
мантией дешёвых королей.
Жизнь прошли, как недотроги,
не жалеет**

**Дед Мороз или такой же сволочь,
одурев от горя и любви.
Разукрасьте воронами полночь —
до крови!**

ОКУРОК

**Вот ты бросил меня, я ещё догораю,
дым струится, струится — и хочется жить...
Ты пойдёшь, не спеша, по цветочному краю,
я останусь, и ветер будет пылью кружить...**

**Скоро сырость туманов сменит снег и метели,
опустеет, замрёт исстрадавшийся сквер —
буду тихо лежать на бетонной постели,
и растопчут меня, может ты, например.**

*

**Зовёт мужик меня в Измайлово:
идём, г-рит, живопись смотреть.
Из тысячи холстов измазанных
понравилось примерно семь.**

**И вот когда мы проходили,
то в джинсах девушка одна
двух чебурашек милых-милых
вела гулять — я одурел.**

**Они — на ниточке, как в цирке,
она — канатный мотылёк,
Шахерезада, где писцы твои?
Но я — как Байрон — путь далёк.**

**И доберусь я до колхоза,
и среди умных матерков
я буду помнить о стрекозах
над живописным ветерком.**

*

**Наконец-то можно поплакать,
отвернувшись в окно полей,
и берёзы в белых тулупах,
как доярки, будут жалеть.**

**Ты, наверно, придёшь к колхозницам
от артисток и от купчих,
и они вдруг станут серьёзными —
от мороза солнце кричит.**

**Посвящается барду
Евгению Иорданскому**

**Белы избушки туалетов —
дудит, как в опере, рожок,
цистерна сдвинулась налево —
и товарняк вдруг зарыжел,
а незабудки маневровых
локомотивным мужикам —
сверкнут водою минеральной —
и те тупеют в тупиках.
Но вот — зажжётся белый карлик,
дабы проплыли не спеша
верблюдов угольные кары
и лес — двуствольно и шершав.
Электровоз пройдёт валетом
латинских стрелок циферблат,
а карьерист курьерский — лезет
на первый путь — в Москву, в Прибалтику.**

*

**Метёт метель. Вон чистит баба снег.
Я числюсь на заводе инженером.
Уже пять лет я — русский инженер,
но увлекаться очень стал Гомером.**

**Ты, Господи, нас кинул на заводы,
и мы должны, советские рабы,
испив, конечно, перед этим водки,
против ракет придумать топоры.**

ГРОЗНЫЙ

**Плодово-грушевый и синий город Грозный,
в тебе спасался я и манускрипт писал.
Благодарю тебя за осень
и за орла на небесах!**

**Твои окраины — фонтаны нефтяные,
насосы, знавшие царя...
Но министерствами отныне
откинулся базарный ряд.**

**И церковь, где венчались дворяне,
из камня шахмат серая стоит.
И эполеты смешаны с Кораном
у флигелей теперь уже в пыли.**

*

**Пахнет яблоками осень,
красны девичьи уборы,
я опять кого-то бросил
в философских разговорах.**

**Я шагаю рядом с вором —
ты умён, блатной приятель,
плащ твой чёрный — крылья ворона,
монастырь — наш настоятель.**

**С алкоголиками ходишь,
гладишь девичьи колени,
ты, наверно, плохо кончишь —
повторишь судьбу Есенина.**

МОРЕ

**Свободный дух — опять глядишься в море,
как в зеркало подвижное души.
Оно сейчас спокойное — как шиз,
но скоро переменится погода.**

**Что ищешь ты? И где твоя волна,
как до потопа небо — голубая,
а может — та, зелёная и злая,
встающая с кораллового дна?**

**И станет океаном вертикаль,
свободный дух, ведь зеркало — разбито!
Как страшна твоя мутная улыбка,
и хорошо ко дну ползёт корабль.**

*

**Приехал я в Москву вчера
Дворцы закрыты на ремонт
Но хорошо на хуторах
Там боров ходит вокруг подсолнуха**

**Там девки ягоды грибы
Онегин сосланный в Сибирь
Пьет самогон подле избы
С ним агроном и декабрист**

ЦЕНТРАЛЬНОЕ

**Улица улица Горького!
Как ты еще коротка.
Жизнь ли, неверная, горькая,
Или — в объятьях рука?**

**Что мою руку чуть держит...
Только смеясь мы идем.
Хоть бы... троллейбус наехал...
Чтобы упали вдвоем!**

ПУШКИНУ

**Многие тебя вспоминают
А я — в последнюю очередь
Поскольку тебя понимаю
Но быть арапом не хочется**

**Арапом в смысле арабов
Так где же мой сад Черномора?
Деревню меняю с Арбатом
Колхозно-дворянские морды**

**Обоих нас тянет к Перуну
Ты славен в веках, я — нынче
Но я — молодежи рупор,
Той самой что просит спички**

*

**Тусклые хоронит
день часы седин,
я опять не понят,
я опять — один.**

**Что же, горький опыт,
жгучая мечта.
Будут дверью хлопать —
не видно ни черта.**

*

**О, Сибирь! Ничего не осталось,
будто я и не жил совсем.
И напрасно следы листаешь,
где решётка, обком — спасение.**

**Не добрался я до оврага —
там однажды выл баскервиль.
Низкий дом. На окошке — брага,
и в ликующих белках — ель.**

СМЕРТЬ

**Он, смеясь, вошёл во мглу,
и оскалился, конечно, —
белый ряд зубов в углу,
помню, в зеркале отсвечивал.**

**Кто-то щёлкнул надо мной —
это он, немного боком.
Я не знаю, я — больной
в этом мире одиноком.**

**Я очнулся — был рассвет,
серый день вставал и плакал.
Снова — жить, надежды — нет,
зверь весёлый — одинаков.**